
Анна Мортмейн
Хроники Весчериума:
След алого цветка

Анна Мортмейн

Хроники Весчериума: след алого цветка

«Литнет»
2026

Мортмейн А.

Хроники Весчериума: след алого цветка / А. Мортмейн — «Литнет», 2026

Мориса не была героиней. Она была просто подругой, просто воительницей, просто женщиной, потерявшей всё. Но когда мир рушится, героями становятся те, у кого нет выбора.Аггрем умирает. Прорывы хаоса пожирают поселения одно за другим. Отряд Морисы тает на глазах, а та, кого она любила как сестру, исчезает в закрывшемся портале.Но когда надежды больше нет, приходит Голос. Древний, женский, зовущий за собой. И Мориса понимает: чтобы спасти свой народ, она должна стать тем, кем никогда не мечтала быть — Путеводной Звездой.Продолжение истории «Знак алого меха». Готова ли ты шагнуть во тьму ради тех, кого любишь?Первая часть: Зверолюдка, потерявшая семью Путеводная звезда своего народа Маг, который стал опорой Умирающий мир/Последний исходПриятного чтения! Буду благодарна за ваши комментарии и лайки. Подписывайтесь, чтобы не пропустить новости о новинках, и сохраняйте книгу к себе, чтобы вернуться к ней в любой момент!

© Мортмейн А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Путь сквозь пепел 5
Глава 2. Возвращение 8
Глава 3. Знамение 13
Глава 4. Голос в пустоте 16
Глава 5. Шёпот богов 20
Глава 6. Раскол 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Глава 1. Путь сквозь пепел

Тишина после захлопнувшегося портала была хуже любого грома. Она была физической, давящей, вырывающей душу. Она длилась всего мгновение, а ощущалась как вечность. Я застыла, рука всё ещё была выброшена вперёд, к тому месту, где только что видела её лицо, её губы, сложившиеся в немое «Люблю тебя».

Потом этот ледяной шок сменился всепоглощающим, диким животным ужасом. Из моей груди вырвался не крик, а какой-то надрывный, хриплый вой, который я сама от себя не слышала. Я рванулась вперёд, к пустому месту, где ещё витал запах гари, крови и её — алых кудрей.

«РОАНА!»

Но сильные руки сжали меня, не давая сделать и шага. Ласси. Он держал меня сзади, обхватив так, что хрустели рёбра, прижимая к своей груди.

– Отпусти! – закричала я, пытаясь вырваться, царапая его руки, не чувствуя ничего, кроме вселенской пустоты, разверзшейся внутри. – ОНА ТАМ! Я ДОЛЖНА ЗА НЕЙ!

– Мориса, нет! – его голос, обычно такой твёрдый, был сорванным, полным той же боли. – Поздно! Портал закрыт! Ты ничего не сможешь сделать!

Я не слушала. Во мне бушевало что-то первобытное. Я билась, рычала, пыталась перекусить ему руку. Он терпел, лишь сильнее сжимая объятия, прижимая мою спину к своей груди, шепча что-то на ухо, но я не слышала слов. Я видела только её лицо. Её последний взгляд. Полный не любви к жизни, а прощания. Она знала. Она знала, что не вернётся.

К горлу подкатил ком, мир поплыл перед глазами. Ноги подкосились, и вся ярость мгновенно ушла, сменившись такой свинцовой, всепоглощающей тяжестью, что я просто обвисла в его руках. Рыдания вырывались наружу судорожными, беззвучными спазмами. Я плакала, не в силах издать ни звука, и слёзы текли по грязному, пропахшему потом и кровью лицу, оставляя на нём грязные борозды.

Вокруг царил хаос. Крики раненых, отрывистые команды Риссы, шипение магических артефактов, запечатывающих остаточные разрывы. Но для меня всё это было приглушённым гулом, доносящимся из-за толстого слоя стекла.

Ласси, не отпуская, медленно опустился на колени, усаживая меня на землю, и просто держал, пока я не обмякла. Я уткнулась лицом в его плащ, в чужой, пыльный запах магии, и это было единственное, что удерживало меня от полного распада.

– Всё... всё кончено? – хрипло спросила я, наконец найдя в себе силы поднять голову.

– С прорывом — да, – тихо ответил он. Его лицо было осунувшимся, в глазах стояла моя собственная боль. – Его альфа мертва. Остальные разбежались.

Я медленно обвела взглядом поле боя. Труп гигантского монстра, которого она затащила с собой в бездну пропал без следа, как и Роана. Вокруг — тела ящеров, лужи чёрной крови. И наши сёстры. Не все поднялись. Раша, с которой мы стояли в одной тройке, лежала недалеко, её горло было разорвано. Её пустые глаза смотрели в багровое небо.

Рисса, вся в крови и пыли, её белый хвост был испачкан в грязи, медленно шла от одного тела к другому, проверяя пульс. Её лицо было каменной маской, но я видела, как мелко дрожат её пальцы, сжимающие рукоять меча. Она подошла к нам, её взгляд скользнул по моему лицу, и в её жёстких глазах на мгновение мелькнуло что-то неуловимо мягкое, прежде чем снова стать сталью.

– Роана? – её голос был хриплым от напряжения.

Я лишь покачала головой, не в силах вымолвить слово.

Рисса зажмурилась, резко выдохнув, будто получила удар в грудь.

–Чёрт! – это было не проклятие, а констатация краха. Краха надежды, краха нашей маленькой семьи. – Отчёт. Потери?

– Трое, – глухо ответил Ласси, не отпуская меня. – Раша, Фенна и... Роана. Ещё пятеро ранены, двое тяжело.

– Маги?

– Халл погиб. Мирей и Дэрч ранены, но на ногах.

Я снова уставилась в ту точку. Пустоту. Она пожертвовала собой, чтобы спасти нас. Чтобы спасти меня. А я... я стояла и смотрела. Я позволила ей это сделать.

– Она сказала... она сказала «люблю тебя», – прошептала я, больше для себя, чем для них. – И «не вини себя».

Рисса резко повернулась ко мне, её глаза вспыхнули.

– Не вини? Легко сказать! – её голос сорвался. – Она была как дочь мне! Как сестра вам всем! И мы позволили ей уйти одной в эту чёртову пасть!

– Рисса... – тихо сказал Ласси.

– Нет! – она с силой ткнула пальцем в сторону закрывшегося портала. – Она всегда была не такой, как все! Она не хотела этой проклятой войны! Она мечтала о другом мире, а мы... мы её в него отправили. В мир мёртвых!

Её слова вонзились в меня, как ножи. Это была правда. Горькая, невыносимая правда. Роана никогда не принадлежала этому аду. И в итоге он её поглотил.

Я медленно поднялась на ноги, отстраняя Ласси. Тело слушалось с трудом, каждое движение отзывалось глухой болью в груди.

– Мы должны... мы должны что-то сделать, – пробормотала я, но сама знала — ничего нельзя сделать. Портал закрыт. Путей между мирами нет. Её не вернуть.

– Мы должны жить, – безжалостно, но не без сочувствия сказала Рисса. – Соберём своих павших. Вернёмся в лагерь. Будем помнить. И будем сражаться. За неё. За всех, кого мы потеряли.

Она развернулась и пошла, отдавая приказы, организуя уцелевших. Её спина была прямой, голос твёрдым. Лидер. Всегда лидер.

Ласси взял мою руку. Его пальцы были тёплыми и надёжными.

– Пойдём, Мориса. Здесь нечего больше делать.

Я позволила ему вести себя, как куклу. Мы помогали раненым, несли тех, кто не мог идти. Я делала всё на автомате, моё сознание было там, в чёрной бездне, с ней.

В лагере нас встретили тяжёлым молчанием. Те, кто остался охранять лагерь, уже всё поняли по нашим лицам и по тому, кого с нами не было. Гелла, дочь Риссы, подошла ко мне и молча обняла. Её плечи тряслись. Роана была её наставницей, почти сестрой.

Весь остаток дня и всю ночь я провела в странном, оцепеневшем состоянии. Я помогала перевязывать раны, готовила еду, но всё это было словно сквозь нереальный сон. Ласси не отходил от меня ни на шаг. Он не говорил пустых слов утешения. Он просто был рядом. Его присутствие было единственным, что хоть как-то согревало ледяную пустоту внутри.

Когда стемнело, и лагерь погрузился сон, я не могла закрыть глаз. Я сидела у потухшего костра и смотрела на звёзды. Те же звёзды, что видела она? Нет. Её звёзды были другими. Если они вообще были.

Ласси сел рядом, положил свою плащ-палатку мне на плечи.

– Она была самой сильной из нас, – тихо сказал он. – Не физически. Духовно. Она ненавидела войну, но сражалась лучше многих, кто её обожал.

– Она ненавидела одиночество, но умерла в нём, – выдохнула я, снова чувствуя, как подступают слёзы.

– Ты не знаешь, что с ней случилось после, – возразил он. – Возможно, она выжила. Она — берсерк. Она сильнее, чем кажется.

– В мире хаоса? – я горько усмехнулась. – Ты сам говорил, что оттуда ничто живое не возвращается.

Он помолчал, глядя на угли.

– Я не верю, что такая душа может просто исчезнуть. Она... как след алого цветка в прозрачной воде. Яркая, живая, невозможная. Даже если её затопчут, память о ней останется.

Я посмотрела на него. В его тёмных глазах отражался огонь. И впервые за весь день я почувствовала не боль, а что-то иное. Тихую, неуверенную ярость. Ярость против этого мира, против богов, которые его покинули, против несправедливости, которая забрала у меня последнего близкого человека.

– Она говорила, что я должна жить, – прошептала я. – Что у меня теперь есть ты. Что я должна завести детёныша и быть счастливой.

– И ты будешь, – твёрдо сказал Ласси. – Мы будем. Но сначала... сначала мы должны пройти через это.

Он обнял меня, и я наконец позволила себе расслабиться, прижавшись к его груди. Его сердце билось ровно и сильно. Это был ритм жизни.

В ту ночь мне приснился сон. Не кошмар о битве, а нечто иное. Я стояла в полной, беззвёздной темноте, и сквозь неё доносился голос. Не Роаны. Чужой, древний, женский. В нём не было слов, только ощущение... зова. Тихого, настойчивого, как шепот в пустоте. Он звал меня по имени. И в этом зове была не только печаль, но и обещание. Обещание силы. Обещание пути.

Я проснулась с этим шепотом в ушах и с новым, странным чувством в груди. Горе никуда не ушло. Оно было огромным, всепоглощающим. Но теперь в нём, как росток сквозь пепел, пробивалось нечто иное. Не надежда — её не могло быть. А решимость.

Решимость не просто жить. А жить так, чтобы её жертва не была напрасной. Чтобы её след, который она оставила в этом мире и в моей душе, не занесло пеплом забвения.

Я посмотрела на спящего Ласси. Потом на свой ещё плоский живот. Внутри меня могла уже теплиться новая жизнь. Жизнь, которую она хотела для меня.

Я тихо встала и вышла из палатки. Рассвет только-только начинал размывать горизонт. Воздух был холодным и чистым.

«Ты слышишь меня, Роана? – подумала я, глядя на тускнеющие звёзды. – Я не знаю, где ты. В живых ли. Но я клянусь... Я не сломаюсь. Я буду вести наших сестёр. Я найду способ сделать этот мир лучше. Ради тебя. Ради того ребёнка, которого я, возможно, ношу. И если есть хоть один шанс... я найду тебя.

Глава 2. Возвращение

Утром мы выдвинулись в сторону основного лагеря.

Руанда — так называлось поселение зверолюдок западного побережья. Какое уж там побережье, хмыкнула я про себя. Море высохло сотни лет назад, оставив после себя очередную пустыню — белую от соли, растрескавшуюся, как старая кожа. Там, где когда-то плескалась вода, теперь лишь ветер гонял колючки и выделялись редкие кости животных, ослепительно белые на фоне серого песка.

Моя ранши Лея тихо рыкнула, и я машинально погладила её за ухом. Чувствует, милая, что мне тяжело.

Лея — подарок Риссы за успешно проведённую разведку три года назад. Крупная, пепельно-серая кошка с чёрными полосами на боках и кисточками на ушах. Она понимала меня с полуслова, а иногда и без слов — просто по тому, как дёргался мой хвост или как сжимались пальцы на её шерсти.

Кит, ранши Роаны, бежала рядом. На ней сидел Ласси.

Увидев Кит этим утром, я не сдержалась — подошла, обняла её за шею и разревелась прямо в тёплую, пахнущую пылью шерсть. Кит замерла, потом осторожно лизнула меня в щеку своим шершавым языком. Она всё поняла. Ранши — полуразумные, они чувствуют грань между жизнью и смертью острее зверолюдей. Кит знала, что её хозяйка не вернётся.

Я знала: если не занять Кит делом, она умрёт от тоски. Поэтому сейчас она везла Ласси и недовольно порыкивала, когда он хватался за её шерсть слишком сильно или дёргал повод невпопад.

Слабая улыбка тронула мои губы — маг и кошка явно не спешили становиться друзьями. Ласси сидел скованно, боялся сделать лишнее движение, а Кит пользовалась этим, то и дело огрызаясь и кося на него жёлтым глазом.

Но улыбка тут же погасла.

Как я скажу лагерю, что мы облажались?

Формально — да, цель была выполнена. Мы зачистили основные прорывы рядом с городом, уничтожили альфу. Твари не побеспокоят мирных ещё несколько дней. Но цена...

Мы потеряли хороших воительниц. Рашу, с которой когда-то делила палатку. Фенну, тихую и незаметную, но такую надёжную в бою. И Роану.

Роану...

Она была одной из двух последних берсерков в нашем лагере. Я знала, что в северных поселениях осталось ещё трое таких же. Редкий дар, передающийся по крови, — одна из тысячи. Самые сильные боевые единицы. На них держалось всё. В критический момент именно берсерк мог переломить ход битвы, в одиночку выкосить десяток тварей, дать остальным время отступить или перегруппироваться.

И теперь у нас не остался один.

Я сжала губы так, что заболели клыки. Хвост нервно хлестал по бокам ранши, выдавая напряжение с головой. Лея взволнованно замурлыкала — низко, вопросительно, словно спрашивая: «Что с тобой, хозяйка?»

— Всё хорошо, Лея, — прошептала я, прижимаясь щекой к её тёплой шее. — Просто плохие новости оглашать, не самое приятное дело.

Она фыркнула, мол, знаю я твои «хорошо», и ускорилась, словно хотела поскорее покончить с этим.

Вот и лагерь.

Руанда расположилась в низине между двумя скалистыми грядами — естественная защита от ветра и тварей, если те вдруг прорвутся с флангов. Частокол из костей древних

животных, врытых в землю острыми концами вверх. Кое-где между ними — вставки из металла, артефакты сигнализации, которые маги ставили ещё при основании. Ворота — две огромные створки из спрессованного песка и глины, усиленные магией. Сейчас они были распахнуты, и в проёме маячили фигуры встречающих.

Кто-то всегда встречал возвращающиеся отряды. Кто-то надеялся увидеть своих живыми.

Я вдохнула. Глубже. Ещё глубже. Спрятала боль туда, где её не было видно. Расправила плечи, подняла хвост — не гордо, но ровно, спокойно. Лидер не имеет права приходить с опущенным хвостом.

— Держись, — тихо сказал Ласси, поравнявшись со мной. Кит недовольно рыкнула на такое сближение, но он уже привык и просто проигнорировал. — Я с тобой.

Я бросила на него быстрый взгляд. Чужак. Маг из города, которого здесь никто не знает. Для местных он такой же пришлый, как и остальные маги из отряда. Может, даже хуже, потому что я выбрала его. Потому что Роана его одобрила. Это не добавляло ему друзей.

— Держись сам, — буркнула я, но без злости. — Здесь на тебя будут коситься.

— Я привык, — пожал он плечами.

Мы въехали в ворота.

Первой нас заметила Веста.

Она стояла чуть поодаль от толпы, прислонившись плечом к костяному столбу. Пепельно-серая шерсть, почти под цвет моей Леи, белые пятна на груди — я всегда говорила, что они похожи с моей кошкой, только Веста выше ростом и злее. Сломанный кончик левого уха смешно заламывался, но она давно перестала этого стесняться — просто поправляла его привычным жестом, когда нервничала. Сейчас её янтарные глаза были прищурены, цепко сканируя наш отряд. Считала. Высчитывала.

Увидела меня — и в её взгляде мелькнуло облегчение. На мгновение. Потом она снова начала считать.

Раз. Два. Три. Четыре...

Я видела, как дёрнулось её горло, когда она поняла, что цифры не сходятся. Что в строю не хватает тех, кто должен был быть.

Веста не бросилась ко мне с расспросами. Она просто шагнула вперёд, когда Лея остановилась, и молча обняла меня за ногу — сидя верхом, я оказалась выше, и она прижалась щекой к моему колену.

— Я знала, что ты вернёшься, — тихо сказала она. — Рада.

Просто. Без лишних слов. Веста всегда была такой.

Я сползла с Леи и обняла её по-настоящему. Коротко, крепко. Вдыхая знакомый запах — пыль, сухая трава, сталь. Запах дома.

— Не все, — прошептала я ей в ухо.

— Вижу, — так же тихо ответила она. — Потом расскажешь.

Из толпы выскочила Лита.

Она всегда выскакивала как угорелая: светлая, пушистая, с огромными голубыми глазами, в которых ещё не погас детский восторг. Двадцать пять лет, а ведёт себя как щенок. Её мать когда-то спасла Роана, и с тех пор Лита боготворила мою подругу, ходила за ней хвостиком, ловила каждое слово.

Сейчас она подлетела ко мне, запыхавшись, и выпалила, даже не поздоровавшись:

— А где Роана? Она там, сзади? Помогает раненым? Я могу сбегать, помочь!

Тишина, та самая, которая хуже любого крика.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё обрывается. Как я должна сейчас сказать это. Вслух. В первый раз.

Лита заметила моё лицо. Её уши медленно прижались к голове. Глаза стали больше.

— Мориса? — голос дрогнул. — А где... где она?

Веста положила руку мне на плечо. Сзади подошёл Ласси. Я чувствовала их, но это не помогало.

— Она не вернётся, Лита, — сказала я. Голос звучал хрипло, чуждо. — Роана... она закрыла прорыв. Ценой жизни.

Лита замерла. На её глазах выступили слёзы — сразу, без всхлипов, просто потекли по щекам, капая на светлую шерсть.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, ты врёшь. Она не могла... она же сильная... она всегда...

— Лита, — начала я, но она уже развернулась и побежала прочь, спотыкаясь, ничего не видя перед собой.

Веста вздохнула.

— Я присмотрю за ней, — сказала она и бесшумно скользнула следом.

Я осталась стоять посреди лагеря, чувствуя на себе десятки взглядов. Женщины выходили из палаток, бросали дела, замирали у костров. Они считали. Все считали. И по моему лицу, по пустым местам в строю читали приговор. Кто-то всхлипнул. Кто-то выругался сквозь зубы. Кто-то просто отвернулся и ушёл в палатку — чтобы там, в одиночестве, пережить новую потерю.

Ко мне подошла Ирма.

Я почуяла её за три шага — от неё всегда пахло выпечкой или травами, даже после боя. Сейчас мятой и ещё чем-то горьковатым, успокаивающим. Короткая рыжеватая шерсть, зелёные глаза, красные от невыплаканных слёз, — Ирма плакала, даже когда злилась, и злилась, даже когда плакала. Она обняла меня, прижалась плотно, и я почувствовала, как трясутся её плечи.

— Молчи, — прошептала она. — Ничего не говори. Я знаю. Я всё знаю.

— Откуда? — выдохнула я в её макушку.

— По твоему запаху, — всхлипнула она. — Ты пахнешь смертью. И... ею. Роаной. Она будто всё ещё с тобой.

Я не выдержала. Прижалась к ней и замерла, позволяя себе эту короткую слабость. Ирма гладила меня по голове, по затылку, между ушей — как мать, как сестра, как та, кто просто есть рядом.

— Потом я тебя накормлю, — бормотала она сквозь слёзы. — У меня мясо есть, свежее, вчера выменяла. И травки... я знаю, ты не любишь, но надо. Ты себя не бережёшь совсем...

— Ирма, — тихо сказал Ласси, подходя с другой стороны. — Дай ей вздохнуть.

Ирма отстранилась и уставилась на него. В её взгляде мелькнуло что-то — не враждебность, но настороженность. Чужак. Маг. Пришёл непонятно откуда и теперь стоит рядом со мной.

— Ты тот самый? — спросила она прямо. — Из города?

Ласси кивнул.

— Ну смотри, — Ирма ткнула пальцем ему в грудь. — Если обидишь — я тебя своими травами так залечу, что твари хаоса позавидуют. Понял?

— Ирма! — одёрнула я.

— Что? Я предупредила, — она шмыгнула носом и отступила, но недалеко — встала за моей спиной, готовая поддержать.

Я перевела дух и пошла дальше. Нужно было дождаться Риссу. Она замыкала отряд, везла раненых и собранные для отчёта трофеи. Без неё говорить с советом старейшин — только хуже себе делать, но дойти до своей палатки я не успела.

Из толпы вышла Берта.

Её невозможно было не заметить — седая, сгорбленная, но всё ещё широкая в плечах, с обрубком хвоста, который дёргался отдельно от неё, выдавая нервы. Выцветшие голубые глаза смотрели жёстко, не мигая. Рассечённая губа кривилась в привычной усмешке — той самой, от которой молодые воительницы вжимали голову в плечи.

Она вышла и встала прямо у меня на пути, перегородив дорогу.

— Ну, — сказала она громко, так, чтобы слышали все. — Докладывай, Мориса. Сколько ещё мы потеряли?

Я выпрямилась. Встретила её взгляд.

— Трое, — ответила я твёрдо. — Раша, Фенна, Роана.

По толпе пронёсся вздох. Кто-то ахнул. Кто-то выкрикнул имя Роаны.

Берта молчала. Долго. Потом её губы сжались в тонкую линию, а глаза стали ещё холоднее.

— Роана, значит, — повторила она. — Берсерк. Она сражалась лучше всех. — Берта шагнула ближе, и я почувствовала исходящий от неё запах старой крови и горечи. — И ты вернулась без неё. А сама — цела.

— Берта, — рыкнула я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Я была рядом. Я держала строй. Я видела, как она...

— Ты видела, как она умирала, — перебила Берта. — И ничего не сделала.

— Я не могла! — сорвалась я. — Портал закрылся! Она затащила туда альфу и...

— И ты стоишь здесь, — Берта ткнула пальцем мне в грудь. — Живая. Невредимая. А она — там. В мире хаоса. Потому что ты её отпустила.

Внутри меня что-то оборвалось. Ярость, горе, бессилие — всё смешалось в один тугой комок, который рвался наружу. Я шагнула к ней, готовая вцепиться в горло, но Ласси оказался быстрее. Он встал между нами, загораживая меня собой.

— Хватит, — его голос прозвучал резко, жёстко, как никогда. — Вы ничего не знаете. Её там не было. Она не видела, как Роана...

— Маг, не лезь, — отрезала Берта. — Это наше дело. Ты вообще кто такой, чтобы здесь голос подавать?

— Мориса, моя женщина, — Ласси не отступил. — Её дело — моё дело. И если вы хотите кого-то обвинять, обвиняйте меня. Это я не успел. Это я не смог закрыть портал обратно вовремя. Я.

Толпа загудела. Кто-то зашипел, кто-то выкрикнул что-то нелестное в адрес магов. Берта окинула Ласси тяжёлым взглядом, потом перевела его на меня.

— Боги нас бросили, девочка, — сказала она тихо, но так, что услышали все. — И твоя Роана теперь с ними. Хватит тешить себя надеждой — она убивает вернее любого монстра. А ты, — она ткнула пальцем в Ласси, — запомни: ты здесь чужой. Не лезь, куда не просят.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь. Толпа расступилась перед ней, как вода.

Я стояла, глядя ей вслед, и чувствовала, как внутри разрастается пустота. Ирма подошла и молча взяла меня за руку. Ласси обнял за плечи, не обращая внимания на косые взгляды.

— Пойдём, — тихо сказал он. — Дождёмся Риссу. Она скоро подойдёт.

Я кивнула и позволила увести себя.

Кит, оставшаяся у ворот, подняла морду к небу и тихо, жалобно завыла. По-звериному, потерянно. Так, как не смела выть я.

Я сделала несколько шагов, опираясь на Ласси и Ирму, когда воздух вокруг словно сгустился.

Я почувствовала его раньше, чем увидела — тот особый, тяжёлый запах, который всегда сопровождал берсерков. Озон, старая кровь и что-то ещё, неуловимое, от чего по коже бежали мурашки. Роана пахла так же. Теплее, мягче, но та же глубинная, спящая сила.

Аш стоял в тени навеса, прислонившись плечом к костяному столбу. Алый мех, чуть темнее, чем у Роаны — с рыжеватым отливом, как старая медь. Волосы, собранные в грубый хвост на затылке, падали на плечи. Зелёные глаза горели в полумраке, как у дикого зверя.

Он смотрел на меня. Не на Ласси, не на Ирму, не на толпу за спиной. Только на меня.

Я замерла. Ирма рядом всхлипнула и прижалась плотнее. Ласси напрягся, но я положила руку ему на грудь — не надо. Свои.

Аш оттолкнулся от столба и подошёл. Медленно, тяжёло, словно нёс на плечах всю боль мира. Остановился в двух шагах.

— Это правда? — спросил он. Голос низкий, хриплый, как скрежет камней. — Она не вернётся?

Я сглотнула. Смотреть в его глаза было почти невыносимо, в них плескалось то же, что и во мне. Пустота. И где-то на дне тлеющий уголёк ярости.

— Правда, — ответила я. — Она затащила альфу в портал. Портал закрылся.

Аш молчал. Долго. Потом его ноздри дрогнули, он втянул воздух, считывая мой запах, ища в нём следы Роаны, подтверждение моих слов.

— Она... — начал он и замолчал. Отвернулся. Плечи вздрогнули — один раз, едва заметно.

— Она была в форме, — добавила я тихо. — Берсерк. Она успела.

Аш кивнул, не оборачиваясь.

— Хорошо, — сказал он. — Значит, умерла как воин.

Он развернулся и пошёл прочь, в ту же темноту, откуда появился. Ни слова больше, ни взгляда.

Ирма выдохнула, когда он скрылся.

— Страшный он, — прошептала она. — Всегда был страшный. Но с ней... с Роаной он другим становился. Теплее.

Я молчала, потому что знала это. Роана говорила о нём редко, но с уважением. "Мы одной крови, Мор. Он понимает".

Теперь он остался один.

Глава 3. Знамение

Я пыталась жить дальше.

Прошло несколько дней. Тягучих, серых, как пепел за стенами лагеря. Ласси всё время был рядом — молчаливой тенью, тёплой ладонью на спине, низким голосом, который вытаскивал меня из чёрных мыслей, когда я начинала тонуть.

Кит прижилась у нашей палатки. Она почти не ела, только пила воду и смотрела в сторону ворот — туда, откуда мы пришли. Ждала. Я понимала её как никто другой.

В лагерь прибыло ещё несколько магов. Они пришли с северных застав, уставшие, измученные, с пустыми глазами. Ласси говорил с ними допоздна, а возвращался всё мрачнее.

— Врата открываются чаще, — сказал он мне на третью ночь. — Не раз в шесть дней. Каждые два-три. Места силы смещаются. Мир... меняется.

Я молчала. Я и сама это чувствовала. Воздух стал другим — тяжелее, будто перед грозой, которая никак не разразится. Старые воительницы шептались у костров, но стоило мне подойти — замолкали. Все боялись говорить вслух. Словно само признание могло ускорить конец.

Я боялась тоже. Но больше смерти я боялась своих снов.

В ту ночь мне приснилась Роана.

Она стояла у дерева.

Настоящего дерева — живого, с зелёными листьями и крупными алыми плодами, от которых исходило мягкое свечение. Я не видела таких деревьев с детства. Только на картинках в старых книгах, что хранились у старейшин — память о мире, который был до нас, до богов, до всего этого пепла.

Роана улыбалась.

Она была живая. Её алые кудри развевались на ветру, пушистые уши подрагивали, а в синих глазах плескался свет. Рядом с ней стоял мужчина — высокий, широкоплечий, но без шерсти и с острыми клыками, выглядывавшими из-под губ. Он был похож на зверолюда, но... другой. Чужой. Слишком крупный, странный. Потом слева подошёл ещё один — светловолосый, с заострёнными ушами, каких я тоже никогда не видела. Он что-то говорил Роане, и она смеялась.

Смеялась.

Я хотела крикнуть — позвать её, окликнуть, напомнить о себе. Но вместо голоса из горла вырвался лишь хрип. Я схватилась за шею, пытаясь выдавить хоть звук, — бесполезно.

И вдруг сверху опустилась тень.

Огромная, чёрная, закрывшая полнеба. Существо спустилось на землю: чешуйчатое, крылатое, с глазами, горящими золотом. Оно распахнуло пасть и взревело так, что у меня заложило уши.

Я бросилась вперёд.

Ноги сами несли меня к Роане, я летела сквозь этот чужой, яркий мир, чувствуя только одно — успеть. Дотронуться. Убедиться, что она настоящая.

— Нет! Я спасу тебя! — крик вырвался сам, раздирая горло.

Я почти добежала. Роана обернулась на мой голос, её глаза расширились, губы шевельнулись — она звала меня по имени...

И вдруг передо мной выросла стена.

Чёрная, живая, пульсирующая тьма. Она ударила в лицо, обожгла руку, которую я выставила вперёд, и боль — настоящая, жгучая, невозможная во сне боль — пронзила меня насквозь. Я закричала.

Я проснулась от собственного крика.

В ушах звенело, сердце колотилось где-то в горле. Лёгкие раздирало, будто я и правда бежала. И рука...

Я смотрела на свою ладонь и не верила глазам.

Чёрный мех, тот самый, что я видела на стене во сне, стремительно бледнел, возвращаясь к обычному шоколадному оттенку. Словно ожог заживал прямо на глазах, оставляя после себя лишь чистую, чуть розовую кожу и шоколадный мех.

— Мориса!

Ласси оказался рядом в ту же секунду. Он спал чутко, как все маги после прорывов, и мой крик подбросил его мгновенно. Тёмные глаза метались по моему лицу, по телу, выискивая раны.

— Что случилось? Мориса!

Я смотрела на руку. Мех больше не менялся. Всё кончилось. Но след, этот чёрный след, я видела. Я не могла это придумать.

— Роана, — выдохнула я, поднимая на него глаза. — Я видела её. Она стояла у дерева... живого дерева, Ласси, с плодами! Таких у нас давно нет. Рядом с ней были мужчины — один похож на зверолюда, но другой... с острыми ушами, как на старых картинках. А потом сверху спустилось существо. Огромное, чешуйчатое, оно взревело... я бросилась к ней, чтобы спасти, но...

Голос сорвался. Я снова посмотрела на руку.

— Тьма. Стена из тьмы выросла передо мной. Она обожгла меня. Я проснулась от боли, а моя рука... она была чёрной, Ласси! Как тот мех, что я видела во сне!

Ласси обнял меня, прижал к себе, гладя по голове, по затылку, между ушей — как успокаивают перепуганного зверька.

— Тише, тише, — шептал он. — Это просто сон. Плохой сон. Ты здесь, ты со мной, всё хорошо...

— Нет! — я отстранилась, заглядывая ему в глаза. — Ты не понимаешь! Я снова не спасла её! Снова не смогла добежать! Берта права — это я во всём виновата! Если бы я была быстрее, если бы я не растерялась тогда, у портала...

Слова хлынули потоком, захлёбываясь слезами. Я повторяла одно и то же, как заведённая, чувствуя, как внутри разверзается та самая чёрная пустота из сна.

— ...это всё я! Я не удержала её! Я позволила ей уйти! Я...

— Мориса!

Ласси обхватил меня за плечи и встряхнул. Резко, сильно — так, что я клацнула клыками, едва не прикусив язык. Боль отрезвила. Я замерла, глядя на него широко распахнутыми глазами.

— Прости, — выдохнул он, но рук не отпустил. — Просто послушай меня. Ты ничего не могла сделать. Ты слышишь? Ничего. Роана сделала свой выбор. Она знала, на что идёт. И если ты сейчас сломаешься — её жертва будет напрасной.

Я смотрела на него и медленно, очень медленно, чувствовала, как внутри отпускает. Только что готовая взорваться истерика отступала, сменяясь тупой, тянущей усталостью.

— Просто... это было так по-настоящему, — прошептала я. — Дерево. Её улыбка. И эта тьма... она была живая, Ласси. Она не хотела меня пускать.

Я обвила его хвостом — привычный жест, за которым прятала страх. Ласси притянул меня ближе, укрывая своим телом, своей тёплой, надёжной аурой.

— Расскажи мне ещё раз, — попросил он тихо. — Всё, что запомнила. Каждую деталь.

Я уткнулась носом ему в плечо и начала рассказывать. Снова и снова, пока слова не превратились в убаюкивающий шум, а сон не сомкнул мне веки.

Но перед тем как провалиться в темноту, я услышала его шёпот:

— Дерево с алыми плодами... и существо, похожее на дракона... Мориса, что же тебе пытаются показать?

Утром я проснулась от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

— Вставай, — голос Ирмы звучал взволнованно. — Там Веста пришла. Говорит, срочно. Что-то с прорывами опять.

Я села, чувствуя, как ломит всё тело, словно я и правда бежала всю ночь. Ласси уже не было рядом — только вмятина на лежанке хранила его тепло.

— Что случилось? — спросила я, растирая лицо ладонями.

— Не знаю, — Ирма теребила край своей походной куртки. — Но Веста сама не своя. Бледная, хвост дрожит. Говорит, надо всех собирать.

Я встала, накинула одежду и вышла из палатки.

Солнце только поднималось над скалами, заливая лагерь бледно-оранжевым светом. Но воздух... воздух был тяжёлым. Густым. Таким, каким он бывает перед самым большим прорывом.

Веста ждала у потухшего костра. Увидев меня, она шагнула навстречу, и я увидела — Ирма не преувеличивала. Её янтарные глаза были расширены, сломанное ухо дёргалось, а хвост и правда мелко вздрагивал.

— Мориса, — сказала она без предисловий. — Мы засекли ещё три прорыва. За одну ночь. Два на востоке, один на юге. И это...

Она замолчала, сглотнула.

— Что? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Твари, которые оттуда выходят, — Веста посмотрела мне прямо в глаза. — Они другие. Сильнее. И их в два раза больше, чем обычно.

Я закрыла глаза.

Мир умирал. И я видела этому доказательство — на своей руке, в своих снах, в глазах тех, кто смотрел на меня с надеждой и страхом.

— Собирай совет, — сказала я, открывая глаза. — Всех, кто ещё может держать оружие.

Веста кивнула и убежала.

Я осталась стоять одна, глядя на восходящее солнце. Где-то там, за пеленой этого мира, в моих снах, Роана улыбалась у живого дерева. А здесь... Здесь нам предстояло выжить.

Глава 4. Голос в пустоте

Совет собрался в самом большом шатре Руанды — том, где обычно решали вопросы войны и выживания. Здесь пахло старой кожей, пылью и потом — запах решений, от которых зависели жизни.

Я сидела в углу, вжавшись спиной в стенку, и наблюдала.

Рисса заняла центральное место — по праву главы отряда, по праву той, кто водила нас в бой и чьё слово всегда было последним. Её белый мех, ещё не отмытый до конца от дорожной пыли, тускло серебрился в свете магических светляков. Дочь Гелла стояла за её спиной — бледная, с красными глазами. Раша была её близкой подругой.

Напротив Риссы, по другую сторону грубого деревянного стола, восседала Берта. Седая, с обрубком хвоста, с рассечённой губой, кривившейся в привычной жёсткой усмешке. За её спиной тоже стояли две пожилые воительницы, чьих имён я не знала, но чьи лица помнила с детства. Старая гвардия. Те, кто пережил больше прорывов, чем я прожила лет. Их уважали за опыт, за шрамы, за умение выживать там, где гибли молодые.

Между ними, как между молотом и наковальней, сидели маги. Ласси — рядом со мной, хотя ему полагалось быть с другими. Дэрч и Мирей, его товарищи по первому отряду. И трое новых, прибывших этой ночью, измождённые, с тёмными кругами под глазами, они жались друг к другу, словно искали защиты.

Веста стояла в центре и докладывала.

— Три прорыва за ночь, — её голос звучал ровно, но сломанное ухо нервно дёргалось, выдавая напряжение. — Два на востоке, у Соляных гор. Один на юге, у Сухого русла. Твари... они другие. Крупнее. Злее. Мы потеряли двоих разведчиц, только чтобы подтвердить данные.

— Потери уточни, — резко бросила Берта.

— Лирда и Шейла, — Веста сглотнула. — Обе мертвы.

По шатру прокатился вздох. Лирду я знала — молодая, весёлая, вечно сующая нос не в свои дела. Её мать погибла два года назад. Теперь и она...

Берта стукнула кулаком по столу.

— Это ваша работа, — она ткнула пальцем в магов. — Вы обещали, что артефакты сдержат прорывы! Вы клялись, что ваша магия защитит нас!

Один из новых магов, тощий, с испуганными глазами, втянул голову в плечи, но встал Ласси.

— Мы делаем всё, что можем, — его голос был твёрд. — Артефакты работают на пределе. Но мир... мир меняется. Энергии хаоса становится больше. Мы не боги, Берта.

— А кто тут боги? — Берта подалась вперёд. — Никого нет! Боги нас бросили! И ваша магия, и наши клыки — всё это пыль, если мир решил нас сожрать!

— Хватит! — рявкнула Рисса.

Мгновенно повисла тишина.

Рисса медленно обвела взглядом присутствующих. Её глаза, жёсткие, выцветшие от сотен боёв, остановились на мне.

— Мориса, — позвала она. — Ты была там. У последнего прорыва, где погибла Роана. Что ты видела?

Я встала. Ноги слегка дрожали, но я заставила себя выпрямиться.

— Альфа была сильнее обычных тварей. Крупнее, быстрее, умнее. Она вела остальных, координировала их. Мы такого раньше не встречали. — Я перевела дух. — Если твари эволюционируют, если они становятся организованнее... нам не выстоять.

— Она права, — подал голос один из новых магов. Худой, с глубоко посаженными глазами. — Мы изучали остаточные эманации после прорывов. Хаос... он не просто просачивается. Он ищет путь. Он голоден. И он учится.

— Учится? — переспросила Берта. — Ты хочешь сказать, эти твари... они умнеют?

— Да, — маг облизал пересохшие губы. — И чем чаще открываются врата, тем быстрее это происходит.

По шатру прокатился гул. Кто-то всхлипнул. Кто-то выругался. Я видела, как женщины, прошедшие десятки боёв, вжимают головы в плечи, словно от этого удара можно спрятаться. Берта резко обернулась к выходу, где в тени стоял Аш.

— А ты что молчишь, берсерк? — её голос резанул по тишине. — Ты единственный, кто остался из вашей породы. Роана погибла, теперь ты последний. Может, хоть ты скажешь что-то дельное?

Аш не шелохнулся. Только зелёные глаза вспыхнули в полумраке и погасли. Он молчал так долго, что Берта уже открыла рот для новой колкости, но он наконец ответил:

— Я воин, а не пророк. Моё дело — убивать тварей, а не гадать, что у них в голове.

Берта фыркнула, но промолчала. А я заметила, как дрогнули его пальцы на рукояти меча. Он сжал их так, что побелели костяшки. Последний берсерк. Роана была последней, кто понимал его без слов.

Рисса молчала. Даже маги притихли.

Отчаяние повисло в воздухе — густое, липкое, как та тьма из моего сна.

— Что мы будем делать? — спросила Гелла тихо, почти шёпотом. — Если они придут все сразу...

— Будем сражаться, — отрезала Берта, но в её голосе впервые не было уверенности. — Как всегда.

— И умрём, — закончила я. — Как всегда.

Все посмотрели на меня. Берта с ненавистью. Рисса с болью. Маги со страхом.

— У тебя есть предложения лучше, девочка? — прошипела Берта.

Я открыла рот... и закрыла. Нет. У меня не было предложений. Только сны. Только обожжённая рука. Только голос, который я боялась признать даже себе.

— Нет, — сказала я тихо. — Нет у меня предложений.

Совет увяз в спорах. Кто-то предлагал уходить в северные пещеры. Кто-то копить силы для последнего боя. Кто-то молиться богам, которых нет.

Я не выдержала. Выскользнула из шатра, пока никто не заметил. Снаружи было легче. Воздух, даже тяжёлый, даже пропахший гарью и страхом, был лучше этой духоты. Шагнула в сторону ворот — и вдруг за спиной раздался шорох. Я резко обернулась, рука сама потянулась к кинжалу.

Из тени шатра вышел Аш. Медленно, бесшумно, как умеют только берсерки.

— Ты куда? — спросил он. Голос низкий, хриплый, не часто он говорил.

— Не твоё дело, — огрызнулась я.

Он сделал ещё шаг. Алый мех тускло блеснул в свете луны, зелёные глаза смотрели прямо, не мигая.

— К Роане, — сказал он. Не спросил, а скорее утвердил.

Я замерла.

— Откуда...

— Я чувствую, — перебил он. — Там, где она погибла, осталось что-то. Я должен это увидеть.

— Зачем?

Он помолчал. Долго. Потом ответил, будто через силу:

— Она была моей кровью. Последней, кто понимал, что такое носить это в себе. — Он коснулся груди там, где билось сердце. — Если есть хоть один шанс, что она оставила знак... я должен его увидеть.

Я смотрела на него и вдруг поняла: он такой же потерянный, как я. Только умеет это скрывать лучше.

— Идём, — сказала я. — Только не отставай.

Аш кивнул и растворился в темноте, двигаясь параллельно мне.

А в следующую секунду меня дёрнули за руку.

— Мориса! — Ирма вылетела из-за угла, запыхавшаяся, с выбившейся прядью рыжеватой шерсти. — Ты куда? Не смей уходить одна!

— Я не одна, — я посмотрела на неё. — Ты же здесь.

Ирма замерла, потом обернулась. Из тени выскользнула Веста — бесшумно, как всегда.

— Мы с тобой, — коротко сказала она. — Куда идём?

Я переглянулась с Ашем. Только сейчас заметила, как напряглась Веста, увидев берсерка, но промолчала.

— К прорыву, — ответила я. — Где погибла Роана.

Мы вышли за ворота, когда солнце уже клонилось к закату. Лея шла тихо, чутко поводя ушами. Кит осталась в лагере — я не решилась брать её туда, где всё ещё пахло её погибшей хозяйкой. Путь занял несколько часов. Пустыня сменилась каменистой грядой, потом снова пустыней. Веста вела нас уверенно, читая следы, которые я даже не замечала. Ирма то и дело оглядывалась, прижимала уши, но молчала.

Мы вышли к месту, когда небо уже начало темнеть. Я узнала его сразу. Воздух здесь был другим, разреженным, будто сама реальность истончилась. На земле до сих пор виднелись тёмные пятна — запёкшаяся кровь тварей. И запах... запах смерти и магии висел так густо, что хотелось зажать нос.

— Здесь, — сказала я, останавливаясь.

Веста и Ирма замерли поодаль, давая мне пространство. Лея ткнулась носом в мою ладонь и тихо заурчала — утешала.

Я смотрела на то место, где в последний раз видела Роану. Пустота. Только выжженная земля и чёрные разводы там, где пролилась кровь альфы. Аш остановился в двух шагах от меня и замер. Я видела, как его ноздри раздуваются, втягивая воздух, как дрожит кончик хвоста, как пальцы сжимаются в кулаки.

— Она здесь, — выдохнул он. — Её запах... он ещё остался.

— Ты чувствуешь её? — спросила я тихо.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел на выжженную землю, и в его зелёных глазах было столько боли, что мне стало не по себе. Ирма сзади всхлипнула и прижалась к Весте. Та молча положила руку ей на плечо, но взгляд не отрывала от Аша — настороженный, изучающий.

— Мы были одной крови, — сказал он наконец. — Таких, как мы, рождается один на тысячу. Она была... младшей сестрой. По дару.

Он замолчал. А потом вдруг резко повернулся ко мне.

— Ты видишь сны? О ней?

Я вздрогнула.

— Откуда ты...

— Берсерки чувствуют такие вещи, — перебил он. — Ты связана с ней. Я чувствую это по твоему запаху. По тому, как ты смотришь на это место. Если она хочет тебе что-то сказать — не молчи. Слушай.

— Я боюсь, — призналась я. — Боюсь, что это просто моё воображение. Что я схожу с ума.

Аш покачал головой.

— Мы или принимаем свою судьбу, или ломаемся. Ты не сломалась. Значит, это реально.

Веста шагнула ближе.

— Если он прав, — тихо сказала она, — если там правда что-то есть... ты должна это увидеть.

Я кивнула и шагнула вперёд, как вдруг земля передо мной дрогнула.

Я замерла, не веря глазам.

Из чёрной, мёртвой почвы, из пепла и грязи, пробился росток. Тонкий, слабый, он тянулся вверх прямо на глазах, разворачивая листья, набирая силу.

Алый цветок.

Такой же, как во сне. Как тот, что приснился мне там, у дерева, где стояла Роана.

— Мориса... — выдохнула Ирма сзади.

Я не слышала. Я смотрела на цветок и чувствовала, как мир вокруг исчезает.

А потом в голове зазвучал голос.

Не мой. Не Ласси. Не Роаны.

Чужой, древний, женский — он лился прямо в сознание, минуя уши, минуя мысли, минуя страх.

«Ты слышишь меня, дитя...»

Боль ударила внезапно, как удар хлыста. Она вспыхнула в висках, прокатилась по позвоночнику, сжала грудь так, что я не могла вздохнуть.

— Мориса! — крик Ирмы донёсся будто издалека.

Я видела, как Веста бросается ко мне, как Лея взвизгивает, но всё это было далеко, сквозь пелену.

«Иди за мной, — голос стал громче, настойчивее. — Я покажу тебе путь...»

Колени подкосились. Земля ушла из-под ног.

Последнее, что я увидела перед тем, как тьма поглотила сознание, алый цветок, тянущийся ко мне, и чьи-то руки, подхватывающие моё падающее тело.

— Я держу, — голос Аша прозвучал над самым ухом. — Не смей умирать, слышишь? Она не для того тебя звала.

— Жива? — Веста склонилась надо мной, щупая пульс.

— Дышит, — Ирма уже рылась в своих травах, всхлипывая. — Дышит...

— Несите её в лагерь, — Аш поднял меня на руки, будто я ничего не весила. — Быстро.

Я хотела ответить, но тьма уже затянула меня.

Последнее, что я запомнила: зелёные глаза, горящие в темноте, и алый цветок, тянущийся к небу из мёртвой земли.

Глава 5. Шёпот богов

Сознание возвращалось медленно, будто продираясь сквозь толщу мутной воды.

Первым пришло ощущение тела — ватного, чужого, неслушающегося. Пальцы не двигались, хвост лежал плетью, даже уши будто налились тяжестью. Потом — боль. Голова раскалывалась так, словно по ней прошлась тяжёлой лапой ранши. В висках стучало, в затылке пульсировало, и каждый удар сердца отзывался новой вспышкой агонии.

Я застонала, даже не успев подумать.

И тут же рядом раздался шорох, тёплая ладонь легла на лоб.

— Тише, тише, я здесь...

Я разлепила веки.

Надо мной склонился Ласси. Его лицо было бледным, под глазами залегли тени, волосы растрёпаны, а рубашка мятая — похоже, он не спал нормально уже давно. Кажется, он дремал прямо у моей лежанки, уткнувшись носом в сложенные руки. Стоило мне пошевелиться и задеть хвостом его локоть, как он проснулся. Сонные глаза впились в моё лицо.

— Как ты? — голос хриплый, сонный, но в нём столько нежности, что у меня защемило сердце.

— Прости... — выдохнула я. — Со мной всё нормально.

— Нормально? — он невесело усмехнулся. — Три дня в отключке — это по-твоему нормально?

Я моргнула. Три дня?

— Что произошло? — Ласси подался ближе, вглядываясь в мои глаза. — Это портал как-то повлиял? Ты стояла там, на том самом месте... может, остаточная магия...

— Нет, — перебила я, потому что его вопросы только усиливали боль в висках. — Точнее... я не знаю.

Я замолчала, пытаясь собрать разбегающиеся мысли. Воспоминания возвращались обрывками — пустыня, чёрная земля, алый росток, пробивающийся сквозь пепел...

— Я увидела цветок, — сказала я, глядя в потолок палатки. — Понимаешь? Настоящий. Тот самый, из моего сна.

— Цветок? — Ласси нахмурился.

— Алый. Он вырос прямо из мёртвой земли. На глазах. Слабый такой, тонкий, но живой. А потом...

Я сглотнула. Воспоминание о голосе отозвалось новой вспышкой боли в затылке.

— Я слышала голос. В голове. Женский, древний... он звал меня. Говорил, что покажет путь.

Я перевела взгляд на Ласси, чувствуя, как внутри закипает отчаяние.

— Ты думаешь, я сошла с ума? — спросила я почти шёпотом. — Может, Берта права? Может, горе сломало мне рассудок, и я теперь вижу то, чего нет?

Ласси молчал секунду, потом взял мою руку в свои ладони. Его пальцы были тёплыми, надёжными.

— Нет, — сказал он твёрдо. — Нет, милая. Я не думаю, что ты сошла с ума.

— Но голос...

— Аш, Веста и Ирма были с тобой, — перебил он. — Они видели цветок?

Я замерла, пытаясь вспомнить. Крик Ирмы. Веста, бегущая ко мне. Их лица, полные ужаса. Свечение зелёных глаз Аша.

— Да, — выдохнула я. — Они были рядом. Они должны были видеть.

Ласси кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то — не сомнение, а... понимание?

— Кажется, я знаю, что это может значить, — сказал он тихо.

Я села резче, чем следовало — голова закружилась, перед глазами поплыли пятна. Ласси тут же подхватил меня, помогая опереться на него.

— Говори, — потребовала я, вцепившись в его рубашку. — Не тяни.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, словно решая, стоит ли говорить. Потом вздохнул.

— Я не уверен до конца, но в старых магических трактатах, тех, что сохранились ещё с древних времён, есть упоминания... — он запнулся. — О знамениях. Когда боги хотели говорить с миром, они посылали знаки. Цветы, распускающиеся на мёртвой земле. Голоса в сознании избранных.

Я смотрела на него, не веря ушам.

— Боги? — переспросила я. — Но боги покинули нас. Все это знают.

— Все так думают, — поправил Ласси. — А если они не покинули? Если они просто... ждали?

— Ждали чего?

— Ждали, пока мы будем готовы услышать.

Я молчала, переваривая его слова. Это было слишком. Слишком невероятно. Боги, которые молчали столетиями, вдруг заговорили со мной? С простой воительницей, потерявшей лучшую подругу?

— Почему я? — прошептала я. — Почему не Рисса? Не Берта? Не кто-то мудрее, сильнее, достойнее?

— Этого я не знаю, — честно ответил Ласси. — Но я знаю другое. Ты видела Роану во сне. Ты чувствуешь, где она. Ты нашла цветок там, где ничего не росло столетиями. И именно ты слышала голос.

Он взял моё лицо в ладони, заставляя смотреть ему в глаза.

— Мориса, возможно, боги выбрали тебя. Не потому, что ты сильнее или мудрее. А потому, что твоё сердце способно вместить эту боль. Потому что ты не сломалась. Потому что ты продолжаешь идти.

Я хотела ответить, но в этот момент полог палатки откинулся, и внутрь влетела Ирма.

— Очнулась! — завопила она так, что у меня заложило уши. — Веста! Веста, иди скорее, она очнулась!

Следом за ней, бесшумная как всегда, появилась Веста. Обе выглядели измученными — такими же, как Ласси. Похоже, эти три дня никто нормально не спал.

— Мориса, — Веста подошла ближе, вглядываясь в моё лицо. — Как ты?

— Голова болит, — честно призналась я. — Но в остальном... вроде цела.

— Цела она, — фыркнула Ирма, плюхаясь рядом на лежанку. — Ты три дня в отключке валялась! Мы уж думали... — её голос дрогнул, и она отвернулась, чтобы скрыть навернувшиеся слёзы.

— Ирма, — позвала я тихо. — Ты видела цветок?

Она замерла, потом медленно кивнула.

— Видела. И Веста видела. Мы хотели его сорвать, принести сюда, но он... исчез. Как только ты упала, он просто растаял в воздухе.

— Значит, мне не показалось, — выдохнула я.

— Не показалось, — подтвердила Веста. — И это не всё. Пока ты была без сознания, прорывы... они прекратились.

Я уставилась на неё.

— Что значит прекратились?

— То и значит. Третий день ни одного нового разрыва. Твари, что уже вышли, добиты. Тишина.

— Это невозможно, — сказала я. — Они же учащались. Мир гиб...

— Мир гибнет, — перебила Веста. — Но что-то изменилось. Именно после того, как ты упала. После того, как расцвёл этот цветок.

Я перевела взгляд на Ласси. Он смотрел на меня с каким-то новым выражением. Как на...

— Что? — спросила я. — Что ещё?

— Мориса, — тихо сказал он. — Если это правда... если боги действительно заговорили с тобой... ты должна будешь ответить.

Я закрыла глаза.

Голова всё ещё раскалывалась. Тело было ватным. А на душе — пустота и страх пополам с крошечной, хрупкой надеждой.

— Я не знаю как, — прошептала я. — Я не знаю, что им отвечать.

— Услышишь, — сказала Веста. — Когда придёт время услышишь.

Я открыла глаза и посмотрела на полог палатки, за которым виднелся край багрового неба Аггрема.

Полог палатки снова откинулся, и вошла Рисса.

Я не слышала её шагов — она всегда двигалась бесшумно, даже когда не кралась. Командир. Привычка, вбитая за столетия боёв. Сейчас её белый мех был взлохмачен, под глазами залегли тени, а в жёстких глазах плескалось что-то, чему я не могла подобрать названия. Она остановилась у входа, окинула взглядом нас всех — меня, Ласси, Ирму, Весту — и коротко бросила:

— Все наружу. Кроме Морисы.

Ирма открыла рот, чтобы возразить, но Веста перехватила её за локоть и молча потащила к выходу. Ласси задержался на секунду, сжал мою руку и вышел следом.

Мы остались вдвоём.

Рисса подошла ближе, присела на край лежанки. Её глаза, выцветшие, с сетью мелких морщинок в уголках, впились в моё лицо.

— Докладывай, — сказала она без предисловий. — Всё, что помнишь. С самого начала.

Я сглотнула. Под её взглядом хотелось вжаться в лежанку и замолчать навсегда, но я заставила себя говорить. Рассказ вышел сбивчивым. Я говорила о сне: о дереве, о Роане, о незнакомых мужчинах и огромном существе; о тьме, что обожгла руку; о том, как проснулась с чёрным мехом, который исчез на глазах; о походе к прорыву; о цветке, выросшем из мёртвой земли; о голосе в голове.

Рисса слушала молча. Ни разу не перебила, не переспросила. Только смотрела всё тем же странным, тяжёлым взглядом. Когда я закончила, в палатке повисла тишина. Я слышала, как стучит моё сердце, как где-то далеко перекликаются воительницы у стен.

— Рисса? — позвала я несмело. — Ты... ты веришь мне?

Она медленно выдохнула. И вдруг, впервые на моей памяти, её лицо изменилось. Жёсткие линии будто разгладились, плечи опустились, и на мгновение я увидела не командира, не легендарную воительницу, а просто уставшую и потерянную женщину.

— Верю, — сказала она тихо. — Потому что видела это своими глазами.

— Что? — я села ровнее, забыв о боли в голове.

— Цветок, — Рисса смотрела куда-то в сторону, словно вспоминала. — Когда вас не было, я ходила к тому месту. Сама. Хотела понять, что там произошло.

Она перевела на меня взгляд.

— Земля там до сих пор хранит след. След присутствия. В центре маленькая алая точка. Как будто цветок и правда рос, а потом исчез, но оставил отпечаток.

— Ты знала? — выдохнула я. — Знала о таких знамениях?

Рисса помолчала. Потом заговорила — медленно, будто вытаскивая слова из самой глубины памяти.

— Моя бабка рассказывала. Когда она была молодой, ещё до того, как боги окончательно замолчали, иногда случались... чудеса. На местах великих битв, где проливалась кровь невинных, могли вырасти цветы. Их называли слезами богов. Говорили, это знак — боги скорбят, но не покинули нас до конца.

Я смотрела на неё, не веря ушам. Рисса — сама Рисса, жёсткая, несгибаемая, никогда не говорившая о богах иначе как с горечью — сейчас сидела и рассказывала мне древние легенды.

— Вы верите, что боги... что они всё ещё здесь?

— Я не знаю, Мориса, — честно ответила она. — Я слишком долго жила в мире, где они молчат. Но я знаю одно: цветы на мёртвой земле не растут просто так. И голоса в голове просто так не слышат.

Она встала, поправила перевязь с мечом.

— То, что прорывы прекратились после твоего... видения... это тоже не совпадение. Я не знаю, что это значит. Но я знаю, что мы не имеем права это игнорировать.

— Что мне делать? — спросила я.

Рисса посмотрела на меня долгим, пронзительным взглядом.

— Ждать, — сказала она. — Слушать. И не сходить с ума раньше времени. — Она усмехнулась уголком губ. — Если боги выбрали тебя, девочка, значит, у них на то свои причины. А нам, смертным, остаётся только довериться.

Она развернулась и пошла к выходу, но у самого полога остановилась.

— И ещё, Мориса. — Она обернулась через плечо. — Берта, конечно, та ещё старая грымза. Но она права в одном: надежда убивает вернее любого монстра. Только... иногда без надежды не выжить.

И вышла.

Я осталась одна, глядя на колышущийся полог.

Голова всё ещё болела. Тело было ватным. Но внутри, в самой глубине, что-то менялось. Крошечный росток: алый, как тот цветок, как мех Роаны, как кровь, пролитая за этот мир — тянулся к свету.

Глава 6. Раскол

Пять дней без прорывов. Пять дней, когда женщины Руанды впервые за долгие годы выдохнули спокойно. Дети играли у ворот, старики грелись на скупом солнце, маги отдыхали от постоянного напряжения.

А на шестой день мир рухнул.

— Семь прорывов! — Веста влетела в мою палатку без стука, бледная, с трясущимися руками. — Мориса, сразу семь! Они открываются прямо на глазах! Твари прут валом, маги не успевают запечатывать!

Я вскочила, на ходу застёгивая куртку. Ласси уже был на ногах — спал вполглаза, как все эти дни.

— Где?

— Везде! — голос Весты сорвался на всхлип. — Восток, юг, север... Они будто прорываются сквозь реальность сразу со всех сторон!

Мы выбежали наружу, и я поняла: это конец.

Небо над Руандой больше не было багровым — оно горело чёрным огнём. В нескольких местах прямо на глазах разверзались воронки, извергая наружу потоки тварей. Крики, лязг стали, рёв монстров — всё смешалось в один сплошной, тошнотворный гул.

Бойня длилась сутки.

К утру мы насчитали сорок семь погибших. Сорок семь имён, которые вчера ещё были живыми. Среди них — Вирра.

Вирра была правой рукой Берты. Высокая, молчаливая, с тёмно-бурой шерстью и жёстким взглядом. Она никогда не улыбалась, никогда не повышала голоса, но её уважали — за хладнокровие, за верность, за умение появляться там, где труднее всего. Берта доверяла ей больше, чем кому-либо. Говорили, Вирра заменила ей погибшую дочь. Она погибла, прикрывая отход молодняка. Тень (та самая быстрая тварь, что выскакивала из ниоткуда) ударила со спины, когда Вирра добивала ящера. Она даже не успела обернуться.

Берта нашла её тело уже после, когда всё кончилось. Она стояла над ним, не проронив ни звука, и смотрела. Только смотрела. А потом развернулась и ушла в свою палатку. Никто не посмел пойти за ней.

Я видела это. И впервые за всё время мне стало жаль Берту.

Через два дня, когда первых погибших похоронили, а раненые начали понемногу приходить в себя, я поняла: молчать больше нельзя.

— Я собираю совет, — сказала я Ласси утром.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Берта будет против.

— Знаю.

— Она сожрёт тебя живьём.

— Пусть попробует, — я расправила плечи и пошла к шатру собраний.

В шатре было душно. Набилось столько народу, что камню негде было упасть — все, кто ещё мог держаться на ногах, пришли услышать, что скажут старшие. Рисса сидела на своём месте. За эти два дня она будто постарела на сотню лет — мех потускнел, глаза ввалились, а взгляд... взгляд был пустым. Она смотрела сквозь всех нас, сквозь стены шатра, сквозь саму реальность.

Берта, напротив, была полна сил. Злая, колючая, готовая рвать и метать — она встала в центре и заговорила первой, едва совет открылся.

— Сорок семь! — её голос резал, как нож. — Сорок семь наших сестёр, матерей, дочерей! И это только за одни сутки! Если так пойдёт дальше, через месяц здесь вообще никого не останется!

— Мы знаем, Берта, — устало сказала одна из старейшин. — Что ты предлагаешь?

— Что я предлагаю? — Берта обвела взглядом присутствующих. — Я предлагаю перестать сидеть сложа руки и ждать чуда! Надо уходить! Собирать всех, кто ещё жив, и уходить в северные пещеры! Там скалы, там можно держать оборону!

— А если прорывы откроются и там? — подал голос кто-то из магов.

— Значит, будем сражаться там! — отрезала Берта. — Но сидеть здесь и ждать, пока нас всех перережут, я не намерена!

Шатёр загудел. Кто-то поддерживал Берту, кто-то сомневался, кто-то просто плакал, уткнувшись в ладони.

Я встала.

— Уходить бесполезно.

Гул стих. Все головы повернулись ко мне. Берта сощурилась, её обрубок хвоста дёрнулся.

— Что ты сказала, щенок?

Я вышла в центр, встала напротив неё. Под её взглядом хотелось провалиться сквозь землю, но я заставила себя стоять прямо.

— Я сказала: уходить бесполезно. Прорывы открываются сразу со всех сторон. Они не снаружи, Берта. Они внутри. Мир гибнет. И пещеры, и горы, и пустыни — везде будет одно и то же. Рано или поздно хаос достанет нас.

— И что ты предлагаешь? — Берта шагнула ближе, нависая надо мной. — Молиться? Ждать, пока боги снизойдут до нас?

— Да.

Тишина стала абсолютной.

Берта замерла. Потом расхохоталась — зло, надрывно.

— Боги? Ты смеёшься надо мной, девочка? Какие боги? Те, что бросили нас столетия назад? Те, что молчали, пока наши матери и дочери гибли в этом аду?

— Они не молчали, — сказала я. — Я слышала их.

И я рассказала.

О сне. О дереве. О Роане. О голосе. О цветке, выросшем на мёртвой земле. О том, что прорывы прекратились на пять дней после этого — впервые за всё время. Когда я закончила, в шатре стояла мёртвая тишина.

Берта смотрела на меня так, будто я была безумной. Её глаза метали молнии, ноздри раздувались, клыки обнажились в оскале.

— Ты... ты хочешь сказать, — начала она медленно, с расстановкой, — что боги говорили с тобой? С тобой? Девчонкой, которая даже свою подругу спасти не смогла?

Слова ударили больнее пощёчины.

— Я была там, — прошипела я, чувствуя, как внутри закипает ярость. — Я видела, как она погибла. Я держала строй. Я прикрывала отход. А ты... ты сидела здесь и даже не нюхала того боя!

— Не смей повышать на меня голос! — рявкнула Берта. — Я триста лет проливаю кровь за этот лагерь! Я потеряла двух дочерей! А ты приходишь с какими-то сказками про цветочки и голоса и смеешь учить меня, что делать?

— Это не сказки! — крикнула я. — Ирма! Веста! Аш! Они были там! Они видели цветок!

Ирма вскочила с места, бледная, но с горящими глазами.

— Видели! — выкрикнула она. — Я своими глазами видела, как из мёртвой земли вырос алый цветок! Он светился! А потом Мориса упала, и он исчез!

— А я видела след, — раздался тихий голос.

Все обернулись.

Рисса медленно поднялась со своего места. Её голос звучал глухо, безжизненно, но в нём была сила, заставившая замолчать даже Берту.

— Я ходила к тому месту. Земля там хранит отпечаток. Алый, как кровь. Такое не придумать.

Берта уставилась на неё.

— Ты тоже рехнулась? — спросила она тихо. — Ты должна думать о выживании, а не о чудесах.

Рисса посмотрела на неё пустыми глазами.

— Я думаю, — сказала она. — И я видела достаточно, чтобы знать: не всё в этом мире объясняется клыками и магией. Если Мориса говорит, что слышала голос, — я ей верю.

— Я не верю! — Берта рубанула воздух рукой. — И никто из здравомыслящих не поверит! Боги нас бросили! Их нет! А есть только мы, наши мечи и наша воля! И если ты, Мориса, хочешь верить в сказки — иди и верь. Но не смей уводить за собой других!

И тут из тени шатра, где он стоял всё это время молча, прислонившись к опорному столбу, шагнул вперёд Аш.

Его алый мех, чуть темнее, чем был у Роаны, с рыжеватым отливом, тускло блеснул в свете магических светляков. Зелёные глаза горели из-под нахмуренных бровей. Он вышел в центр и встал рядом со мной. Просто встал. Не говоря ни слова.

Берта уставилась на него.

— И ты, Аш? — в её голосе впервые мелькнуло что-то похожее на растерянность. — Ты, последний берсерк, веришь в эти сказки?

Аш посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Его голос, когда он заговорил, был хриплым,.

— Роана была мне как сестра, — сказал он. — Я чувствовал её, когда она уходила. Я чувствовал, что она не умерла. — Он перевёл взгляд на меня. — Мориса не врёт. Я знаю.

— Откуда? — выдохнула Берта.

Тишина стала ещё напряженнее.

— А если это правда? — крикнула я. — Если боги действительно заговорили? Если есть шанс спастись, а не просто умереть в очередных пещерах?

— Шанс? — Берта усмехнулась. — Шанс был у Роаны. И где она теперь? В мире хаоса, сожранная тварями! А ты стоишь здесь и несёшь чушь про цветочки!

— Роана жива! — вырвалось у меня.

Я сама не знала, откуда взялись эти слова. Они просто выплеснулись наружу, как вода из прорванной плотины.

— Что? — Берта замерла.

— Она жива, — повторила я, чувствуя, как по щекам текут слёзы. — Я видела её. Во сне. Она стояла у живого дерева и улыбалась. Рядом с ней были... кто-то. Не такие, как мы. Но она была жива!

— Ты бредишь, — отрезала Берта. — Твоё горе сломало тебе рассудок.

— Я тоже видел сон, — Аш усмехнулся — горько, одними уголками губ. — Дерево. Свет. И её. Роану. Она улыбалась и звала за собой. Думаешь, двоим один и тот же сон может присниться просто так?

Я смотрела на Аша и чувствовала, как к горлу подступает ком. Он тоже видел. Он тоже знал. Я не одна.

— А если нет? — встрял Ласси, выступая вперёд. — Если Мориса права? Если боги действительно дают нам знак? Мы что, отвернёмся только потому, что это не укладывается в вашу картину мира?

— Молчи, маг! — рявкнула Берта. — Ты вообще чужой здесь! Пришёл неизвестно откуда и учишь нас жить?

— Я пришёл сюда за Морисой, — твёрдо сказал Ласси. — И если она говорит, что слышит богов — я пойду за ней. Хоть в пасть хаоса.

— И многие пойдут? — Берта обвела взглядом шатёр. — Кто ещё верит в эти сказки?

Тишина.

Я смотрела на женщин, на магов, на тех, кого знала с детства. Кто-то отводил глаза. Кто-то смотрел с сомнением. Кто-то — с жалостью.

Ирма встала рядом со мной, дрожа, но не отступая.

— Я верю, — сказала она тихо.

Веста шагнула следом. Молча. Просто встала за моей спиной. Аш шагнул следом, встал с другой стороны. Его присутствие тяжёлое и молчаливое, но такое надёжное — придавало сил. Потом поднялась ещё одна молодая воительница, чьего имени я не знала. Потом ещё две. Потом пятеро магов во главе с Дэрчем. Но большинство молчало. И в этом молчании читался приговор.

Берта оскалилась.

— Видишь? Ты одна, девочка, и жалкая горстка таких же безумцев, как ты, не поможет. Мы пойдём своим путём. Пусть боги, если они есть, простят нас, но я предпочитаю надеяться на свои клыки, чем на чужие сказки.

Она развернулась и вышла из шатра. За ней потянулись остальные — десятки женщин, уставших, напуганных, потерявших надежду. Когда шатёр опустел, я оглядела тех, кто остался.

Рисса сидела на своём месте, глядя в пустоту. Гелла стояла рядом и яростно махала хвостом, прижав уши.

— Вы с нами? — спросила я тихо.

Она подняла на меня глаза. Мёртвые, пустые, но в их глубине тлел крошечный огонёк.

— Мне есть что терять, — сказала она. — И если есть хоть один шанс, что моя девочка... Спасётся, — голос сорвался. Она посмотрела на Геллу, которая села рядом с ней и лизнула в щёку, утешая.

Я подошла к ней и положила руку на плечо. Рисса не отстранилась.

— Мы найдём путь, — сказала я. — Я обещаю.

Снаружи завыл ветер. Где-то далеко раздался очередной взрыв — новый прорыв. М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.